

1992. — 8 сент.

Фильм Станислава Говорухина, показанный на днях по первому каналу телевидения, стал заметным событием в нашей культурной и общественной жизни. Солженицын был и остается одной из ключевых фигур нашего времени, а отношение к нему — тем оселком, на котором проверяются политические взгляды и эстетические пристрастия. Сегодня по просьбе наших корреспондентов Л. Павлючика и А. Филиппова своими мыслями о фильме и личности А. И. Солженицына делятся известные деятели нашей культуры, исповедующие разные политические взгляды.

Лев АННИНСКИЙ, критик:

— Впечатлений много, и подробнее, я надеюсь, еще выскажусь, но вот одно из главных, острейших ощущений при просмотре говорухинской ленты: Солженицын как писатель живет, несомненно, в вечности, но Солженицын как человек — среди нас. То есть, конечно, в Вермонте, но вместе с тем он — в нашей смуте, в нашей тщете, в нашей привычной душевной маете.

На крупных планах классик, с непрерывной бородой, с длинными волосами, с пристальным взглядом из-под нависших век.

И вдруг — на общих планах — легкий, быстрый, почти бегущий, юношески взмывающий; и говорит торопясь, и смеется взахлеб, и думает над тем же, над чем мы, и так же, пожалуй, не знает выхода...

Хотя мы-то ждем: чтоб вразумил, чтоб научил, чтоб кому надо — мозги вправил, кого надо — подержал, от кого-то отмежевался.

А он — сам по себе. И с нами. Сколько лет — в отключке. Думали — Бог. А оказывается — человек.

Леонид БОРОДИН, главный редактор журнала «Москва»:

— Менее чем кто-либо, я могу быть объективен в оценке Солженицына как писателя и человека. Солженицын — часть моей биографии, причем неотъемлемая часть.

В 1965 году, определив свое отношение к существовавшему в стране строю, мы отчаянно крутили головами в поисках единомышленников. Может быть, их было много, если верить нынешним признаниям наших интеллектуалов. Но уж больно они конспирировались. Силы берегли, видать. Имя же Солженицына было для нас символом, знаком того, что мы не одиноки, что правы в своем желании видеть Россию великой и обновленной.

И что бы сегодня ни говорили о Солженицыне, как бы ни оценивали его жизнь и творчество, никто не в силах опровергнуть тот факт, что он, Александр Исаевич Солженицын, — выдающееся явление нашей истории и культуры. Такова судьба исключительно последовательных людей, наделенных к тому же от Бога и по характеру небывалой трудоспособностью и целеустремленностью.

Случалось сталкиваться с активным неприятием личности Солженицына достаточно известными деятелями бывшей советской культуры и всякий раз, приглядываясь, наткнулся на

почти ручная... Замечательная семья, супруга Солженицына — воплощенная скромность, такт, забота... Ее милая, неслышно движущаяся мать. Юношеское обаяние сыновей. И звуки прекрасной музыки, сопровождающей фильм, — один из них пианист.

Нет нужды пересказывать

упрямо, настойчиво, основательно продолжает делать свое дело.

В числе этих несуетных дел — и фильм о Солженицыне, великом затворнике, к которому попасть совсем не просто. К слову говоря, масса народу, весьма именитого, пыталась проникнуть в Вермонт, да не обломилось. И если это удалось Говорухину —

«ДУМАЛИ-БОГ, ОКАЗЫВАЕТСЯ—ЧЕЛОВЕК»

Деятели культуры о фильме «Александр Солженицын»

что-то сугубо личное, потаенное. Это была не зависть даже, но ярость по поводу того, что, мол, посмел он, такой-сякой, нарушить правила поведения умных и проницательных и ткнуть их носом в собственный конформизм. И повезло ему при этом и выжить, и «песню допеть», а им, умникам и хитрецам, приходится теперь волей-неволей ладошку к ладошке — и головку в почтительный полупоклон.

А сегодня ставят ему в вину, что, дескать, разрушитель он и ему подобные, из-за них нынче ни Украин, ни Латвий, а одно сплошное безобразие.

Лень и робость поведения порождают пакостливость слова. За бесплодие социальной мысли наших властителей дум распахиваемся мы сегодня российской катастрофой.

А он, Солженицын, не просто говорил, он кричал на весь мир, предупреждал азартных и легкомысленных: Россия не вынесет еще одного «февраля»!.. Я благодарен Говорухину за его работу.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН, главный режиссер Московского Нового драматического театра:

— Фильм Станислава Говорухина о Солженицыне удивительно хорошо тем, что мы как бы незаметно присутствовали при самой естественной, неторопливо текущей беседе двух прекрасных людей. Словно мы тоже приглашены в этот дом в Вермонте, только молчим, а они беседуют, совсем не думая о том, что мы слушаем их, наблюдаем за ними. Естественность, простота, радушие, доброта и горечь размышлений, юмор, подчас тоже горький, — все это становится приобретаемым к человеческим Разуму, Совести, Трудю.

Мысль о гигантском труде все время не покидает сознание. Изданные всей семьей тома книг, бесчисленные полки с материалами, какие-то фантастические, совсем мне неведомые «машины», помогающие деятельности мозга и памяти... Уютная простота дома, пасхальный стол, первозданные леса, воды, водопады, ручьи, белка, очевидно,

его мысли и слова Солженицына, его мудрость, боль, тревога начисто лишают его какой-либо позы, сознания своей значимости. Он ведет себя, говорит так, словно это не съемка фильма, не телеинтервью, а естественная беседа с гостем, которого он уважает, которому доверяет и поэтому охотно делится своими размышлениями. В фильме есть кадры, снятые скрытой камерой. Говорухин предупреждает, что в эти минуты Солженицын не знал, что его снимают, так как все-таки каждый невольно ведет себя перед камерой чуть напряженно. Но, право же, эти кадры ничем не отличаются от всех остальных, нигде и ни в чем не заметил я никакого напряжения. Солженицын размышляет о прошлом, настоящем и будущем Родины. Это бесконечно интересно, потому что мысленно его выстраданы всей его жизнью, трудом, мужеством. Он имеет право говорить о любви к России, ибо, глядя на прекрасные деревья его вермонтского парка, я все время думал о лесоповале его лагерей...

Леонид ФИЛАТОВ, актер и режиссер:

— Я не могу подвергать беспристрастному критическому анализу эту картину в силу моего искреннего уважения как к ее автору, так и к ее герою.

Начну с автора. По Говорухину сейчас с удовольствием «ездят» многие газеты и журналы, обвиняя его в разных смертных грехах. А всего и греха-то за ним, что попытался художник поразмышлять, что же за страна была такая — Россия, которую мы потеряли. Повторю, Говорухин предложил не политический лозунг, не бойкий транспарант, не прокламацию и даже не историческое исследование, а всего лишь свой собственный, пусть глубоко субъективный, взгляд на прошлое и настоящее России. Но этого оказалось достаточно, чтобы обвинить его в монархизме, и в великорусском шовинизме, и еще во многих мыслимых и немыслимых грехах. Слава Богу, что Говорухин не лжается после очередной зряшной хулы, а

значит, сумел завоевать уважение, значит, в чем-то существенном он прав.

Но я отвлекся от самого фильма, интересно, по-новому предпосреднее образ Александра Исаевича. Конечно, я много чего знал о Солженицыне из его книг, статей, интервью для итальянского, французского, германского телевидения. Мне казалось, что к сегодняшнему дню вокруг чела гениального писателя, редкостного подвижника должен уже появиться некий неземной свет. Но я увидел абсолютно естественного, озорного, если хотите, проказливого человека, лишенного даже намека на божественный нимб. Я увидел живого гения во всем своеобразии его личности, во всей противоречивости и спорности его натуры. Здесь я должен сразу оговориться, что не смею полемизировать или тем более оспаривать те или иные взгляды Александра Исаевича. Ввиду особенности его судьбы, на которую выпала война, отсидки в лагерях, смертельная болезнь, трагизм судьбы в мирное время, вполне сравнимое для него с фронтовым... Ввиду, наконец, гигантской обширности его познаний, масштаба личности во мне, повторю, нет отваги на полемику с ним. Вот постараюсь дожить лет до восьмидесяти, перечитаю все умные книжки, тогда, возможно, и рискну. А пока я счастлив, что телевидение показало нам мощную, глубокую, страстную личность, равной которой в среде художественной интеллигенции я сегодня просто не знаю.

Думаю, не всех обрадует возвращение Солженицына на родную многострадальную землю. Кого-то будет раздражать его отношение к религии, кого-то не устроит его взгляд на самодержавие, кто-то сочтет односторонним его подход к нынешним реформам. Но подлинная свобода духа означает еще и терпимость к чужому мнению, которая, помимо всего прочего, была блестяще явлена автором и героем этого серьезного, умного, нужного сейчас фильма.